

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2019.31.178518>

УДК 811.161.1'373.231'42

МУРАДЯН Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина;
тел.: +38(048)7762277; e-mail: muradayn@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-2354-0176

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»

Аннотация. Цель данной статьи — исследовать пути и цели использования интертекстуальных имён А. С. Пушкиным в тексте повести «Барышня-крестьянка». Имена печатного текста сравниваются с именами, которые А. С. Пушкин первоначально использовал в черновике. Это дало возможность исследовать причины произошедших изменений. *Объект* изучения — интертекстуальные собственные имена. *Предметом* является выявление причин использования этих имён А. С. Пушкиным для общего воплощения замысла произведения. *Материалом* послужили интертекстуальные именованья в черновиках и в окончательном варианте повести «Барышня-крестьянка». В ходе исследования было выявлено, что в черновиках А. С. Пушкина первоначально главные герои имели по два-три разных именованья. В *результате* исследования автор приходит к следующим *выводам*. В процессе работы А. С. Пушкин изменял номинации персонажей, чтобы соотнести их с известными персонажами русской и зарубежной литературы. Автор статьи отмечает интертекстуальность имён Лиза, Григорий, клички собаки Собогар и других в пушкинском тексте. При помощи использования интертекстуальных имён, сопоставимых с именами героев Н. М. Карамзина и романов «неистового романтизма». А. С. Пушкин пародирует одностороннее и внесоциальное изображение человека в них, надуманность и гиперболизацию ситуаций. Следует отметить, что, выбирая интертекстуальные имена своим персонажам, писатель остаётся на позициях ономастического реализма, не искажает исторического правдоподобия.

Ключевые слова: интертекстуальные собственные имена, литературные антропонимы, антропонимная формула, художественный текст.

Постановка проблемы. Наиболее перспективным при изучении литературной ономастики, по мнению А. А. Фомина, является лингвистическое направление, в рамках которого «наиболее полно и объективно могут быть учтены и рассмотрены факторы, влияющие на возникновение и интерпретацию художественного текста. ...Это в полной мере соответствует повороту современной лингвистики от изучения статической языковой системы к исследованию языка в его деятельности» [11, с. 18]. В «Повестях Белкина» многоуровневая подача событий, героев, портретных описаний, имён и пр. потому что они пропущены как бы через три восприятия. Автор повестей А. С. Пушкин, но он скрывается за вымышленным автором Белкиным. Белкин, в свою очередь, записал услышанные им рассказы от разных особ, которых Пушкин обозначил во вступлении к запискам. Первый самый простой уровень — это уровень рассказчика. Бесхитростный рассказ девицы К. И. Т. в «Барышне-крестьянке», например, это восприятие и передача событий уездной барышней. Но на эту фабулу нанесено восприятие автора Белкина, за которым скрывается Пушкин. И уже Пушкин соотносит и пародирует эти сюжеты с произведениями русской и зарубежной литературы. Поэтому столь сложны эти простые, на первый взгляд, «Повести Белкина». Значительную роль в соотнесении пушкинского текста с другими произведениями литературы играют интертекстуальные собственные имена.

Связь с предыдущими исследованиями. К рассмотрению собственных имён в пушкинских текстах обращались многие ученые. Это М. С. Альтман, В. В. Виноградов, Ю. А. Карпенко, Э. Б. Магазаник, В. А. Никонов и др.

В. В. Виноградов отметил в «Повестях Белкина» «паутину литературных намёков» [2, с. 463]. На наш взгляд, значительная часть этих намёков проявляется как раз через использование интертекстуальных имён.

Современные исследователи констатируют сложность изображения персонажей в «Повестях Белкина». А. Г. Кулыгина, изучая портрет в повестях, пишет: «Своеобразие героев “Барышни-крестьянки” состоит в том, что почти каждый из них (героев) обладает как будто двумя характерами, то есть “носит маску”» [6, с. 12]. Двуплановость, а то и многослойность наблюдается и в системе собственных имён произведения.

Постановка задач. Соотнести повесть «Барышня-крестьянка» с другими художественными текстами А. С. Пушкину помогают интертекстуальные собственные имена. Наша цель — исследовать, с какими произведениями литературы связаны интертекстуальные имена и для чего они использованы в тексте повести. Задачей является сравнение имён в чистовом печатном тексте с черновиками А. С. Пушкина. Это позволит исследовать причины произошедших изменений. Объект — это интертекстуальные собственные имена в повести «Барышня-крестьянка». Пред-

методом является выявление причин использования этих имён А. С. Пушкиным для общего воплощения замысла произведения.

Материалом послужили именованные в черновиках и окончательном варианте повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка».

Изложение основного материала. Рассказчики в «Повестях Белкина» подобраны таким образом, что повествуют о том, что им ближе и с чем они были связаны в своей жизни. Так повесть «Выстрел» рассказана человеком военным, подполковником И. Л. П. Пушкин не даёт имён и фамилий рассказчиков, потому что они не важны. Важнее сфера их деятельности. Поэтому Пушкин отмечает, что в рукописи Белкина записаны «чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии» [10, т. 8, II, с. 68]. Повесть «Станционный смотритель» записана от титулярного советника А. Г. Н. Обращает на себя внимание тот факт, что у всех названных особ даны инициалы имени, отчества и фамилии, как было принято в дворянской среде того времени. А вот повесть «Гробовщик» рассказана приказчиком, человеком из мещан, и поэтому у него инициалы только имени и фамилии — Б. В. Девица К. И. Т. «рассказывает» о любовных историях, которые представлены в повестях «Метель» и «Барышня-крестьянка». Любовные мотивы характерны для девицы.

«Барышня-крестьянка» — это как будто простой рассказ девицы К. И. Т. о любовной истории с характерным для литературы того времени переосмыслением, устранением социальных преград и со счастливым концом. Этот слой А. С. Пушкин создаёт как восприятие уездной барышни. А вот сам Пушкин в этом тексте переключается, а то и пародирует многие произведения русской и зарубежной литературы. И увидеть эту «многослойность» во многом помогают интертекстуальные собственные имена.

Имя дочери Муромского первоначально в черновиках А. С. Пушкина «Лидинька», что вполне соответствовало помещице дворянке. Появление имени «Лиза», очевидно, пришло, когда Пушкин решил соотносить свой текст с «Бедной Лизой» Н. М. Карамзина. И чтобы читатель не пропустил соотношение имён, Пушкин вводит в свой текст ещё одно отнесение к творчеству Н. М. Карамзина — название известного романа «Наталья, боярская дочь», по которому Алексей Берестов учит Акулину-Лизу читать.

Впервые на связь имён героини пушкинской повести и героини повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» указал М. С. Альтман [1, с. 389], хотя термин «интертекстуальное имя» тогда ещё не употреблялся. Детальное обоснование этой связи имен дал Э. Б. Магазаник [7, с. 62–74]. Он показал значение имени *Лиза* в общем смысле произведения и в полемике А. С. Пушкина с «Бедной Лизой» Карамзина и — шире — с сентиментализмом. Ведь вне полемики с Карамзиным «Барышня-крестьянка» утрачивает значительную часть своего смысла.

Впрочем, дело не только в литературной полемике и интертекстуальности имени «Лиза». Если сравнить выбор имени для героини Карамзиным и Пушкиным, то обнаруживается два разных подхода к отображению действительности, характерных для двух разных литературных методов. У Н. М. Карамзина героиня крестьянка, которая чувствует и любит как барышня. В. А. Никонов, опираясь на статистические данные, считает, что Карамзин свою героиню украсил именем «Лиза», так как оно в то время употреблялось среди дворянок, а среди крестьянок было очень редким [9, с. 417]. Это представляется нам более точным и соответствует внесоциальному изображению человека в сентименталистской литературе. Изображение крестьянки, думающей и чувствующей, как барышня, вело к тому, что имя писатель выбрал ей не соответствующее реальному имени крестьянок, а как у барышни. Пушкин же, намекая именем «Лиза» на героиню Карамзина, вместе с тем дал своей барышне-крестьянке имя, частотное среди дворянок. В ипостаси барышни имя её у Пушкина звучит ещё изысканней — *Бетси*. Так называет её англоман-отец, употребляя уменьшительную форму от английского имени «Elizabeth». Но Пушкин почувствовал, что когда его героиня предстанет перед главным героем в образе крестьянки, то изменения формы имени уже недостаточно, хотя первоначально в черновиках Лиза на вопрос Алексея Берестова о том, как её зовут, отвечала: «Лизаветой» [10, т. 8, II, с. 115]. Значит, и во время написания «Барышни-крестьянки» в начале 1830-х годов, через 40 лет после создания «Бедной Лизы», это имя не могло считаться характерным для крестьянки. И Пушкин свою барышню в роли крестьянки называет *Акулина*. Ю. А. Карпенко пишет: «Это была великолепная находка. Ведь типично крестьянское имя Акулина, не употребляемое дворянами, действовало надежней лаптей и сарафанов, превращая барышню в крестьянку» [5, с. 84]. Однако мотив влюблённости дворянина в крестьянку в пушкинском тексте становится мнимым. Крестьянка оказывается барышней Лизаветой Григорьевной. И в этом случае Пушкин использует для именованной героини характерную для дворян антропонимную формулу «имя и отчество». Таким образом, А. С. Пушкин не только использует интертекстуальное имя для соотношения своего произведения с текстом Н. М. Карамзина, но и полемизирует с ним в способе и мотивированности выбора имени для героини.

На противопоставлении сентименталистской традиции Н. М. Карамзина можно рассматривать выбор А. С. Пушкиным имени главного героя. Это своеобразная интертекстуальная оппозиция.

Если Карамзин даёт герою «Бедной Лизы» изысканное, соответствующее сентименталистской литературе и неупотребительное у русских имя Эраст, то Пушкин называет своего героя довольно обычным и частым среди дворян именем *Алексей*. Это реальное имя помогает Пушкину развеять ореол романтического героя, который напускает на себя сам Берестов. Вспомним, как много деталей выписывает А. С. Пушкин в тексте, чтобы показать такое восприятие. Это чёрное кольцо с изображением мёртвой головы, которое носил Берестов, напускная холодная рассеянность при встрече в доме Муромских и др.

Очень значимым для понимания многослойности текста является сравнение портретного описания Алексея Берестова в восприятии горничной Насти и Лизы Муромской. Настя, увидев молодого Берестова, описала его так: «Удивительно хорош, красавец, можно сказать. Стройный, высокий, румянец во всю щеку...» [10, т. 8, II, с. 112]. Это реальное восприятие крестьянской девушки. Устойчивое выражение «румянец во всю щеку» передаёт характерное для русского народа восприятие здоровой красоты молодого парня. А вот Лиза в своем воображении представляла романтический образ: «А я думала, что у него лицо бледное. Что же? Каков он тебе показался? Печален? Задумчив?» [10, т. 8, II, с. 112]. Воображаемый Лизой Берестов прямо противоположен восприятию Насти и отражает дворянский тип красоты. Молодая девушка приписывает ему черты романтического героя.

А. С. Пушкин намеренно противопоставляет эти два описания. И дальше в повести развенчивает идеал разочарованного «меланхолического романтизма». Алексей Берестов влюбляется в крестьянку, а Лиза не в романтика, а в обычного жизнерадостного парня. Это слои восприятия А. С. Пушкина. Он описывает русскую действительность и противопоставляет её романтизму и французским романам. Имя «Алексей» играет в этом плане не последнюю роль.

При помощи интертекстуальных имён А. С. Пушкин пародирует романы «неистового романтизма». В. В. Виноградов отмечает, что кличка собаки Алексея Берестова «Сбогар» — это намёк на популярный в те времена роман французского писателя Шарля Нодье «Жан Сбогар» [2, с. 460]. Причём в черновом варианте повести Пушкин использовал кличку «Лара». Это имя могло быть знакомо А. С. Пушкину, как отмечает Р. И. Воронцов, из «Словаря пиитико-исторических примечаний» А. Д. Байбакова, изданного в 1781 году [3, с. 104]. Можем предположить, что Пушкин намеренно заменил это античное имя на именование героя романтической литературы, чтобы, с одной стороны, создать романтический ореол вокруг Алексея Берестова, а с другой — пародийно превратил имя благородного разбойника в кличку собаки.

Мотив ссоры соседей по имениям Муромского и Берестова, мешавший познакомиться их детям, можно отнести к лёгкой и отдалённой пародии А. С. Пушкина на отношения шекспировских Монтекки и Капулетти. В «Повестях Белкина» вообще очень многое соотносится с известными сюжетами, например, библейская притча о блудном сыне в повести «Станционный смотритель». Но решает эти сложные и трагические сюжеты А. С. Пушкин совсем по-другому. Иногда для него это отдалённое сходство, иногда пародия, но чаще лёгкая ирония. Пушкин пародирует не столько сами сюжеты, сколько их изображение в литературе классицизма, сентиментализма и романтизма. И это уже не повествование девицы К. И. Т. Это видение самого Пушкина. Враждебность «Монтекки» и «Капулетти» в «Барышне-крестьянке» при близком знакомстве соседей развеивается. Более того, помещики даже решили поженить детей, что выглядит как своеобразное противопоставление невозможности официального брака между Джульеттой и Ромео.

А. С. Пушкин пишет о русской действительности, и пишет реалистично. В своих черновиках он долго ищет подходящие именованья героям. Для Муромского Пушкин вначале подобрал такие именованья: «князь Григорий Иванович Почекин», потом «Лыскин», затем «Григорий Иванович Освалицкий» [10, т. 8, II, с. 662]. В окончательном варианте это Григорий Иванович Муромский. Пушкин пишет о нём: «Это был настоящий русский барин» [10, т. 8 II, с. 109], что подтверждает фамилия, «образованная от названия города Муром» [8, с. 222], да ещё и с былинными ассоциациями о муромских лесах, богатырях и т. п. Интересна и фамилия «Берестов». Она образована от слова «береста», что тоже связывает её с лесом, а обе эти фамилии — с русской почвой.

Имя «Григорий» в именовании Муромского является интертекстуальным. Григорий Муромский именем своим, как отметил М. С. Альтман, обязан грибоедовскому англоману князю Григорию [1, с. 395]. Это, очевидно, действительно так, потому что, выбирая имя этому персонажу, Пушкин сначала в черновиках повести назвал его Гаврилой, потом Иваном (это имя дано в отчестве дочери). Но оба эти имени были в то время слишком «крестьянскими», а вот имя Григорий входило в первую десятку популярных имён вне зависимости от сословия в России XVIII века [4, с. 87] и было намёком на известный персонаж из комедии «Горе от ума».

Таким образом, при помощи использования интертекстуальных имён, сопоставимых с именами героев Н. М. Карамзина и романов «неистового романтизма», А. С. Пушкин пародирует одностороннее и внесоциальное изображение человека в них, надуманность и преувеличенность ситуаций. Как видим, литературные намёки обнаруживаются в области собственных имён. Но

следует отметить, что, давая своим персонажам интертекстуальные имена, А. С. Пушкин оставался в выборе их на позициях ономастического реализма, не искажая исторического правдоподобия.

Литература

1. Альтман М. С. О собственных именах в произведениях Пушкина. *Учёные записки Горьковского гос. ун-та*. Горький, 1964. Вып. 72, т. 1. С. 377–396.
2. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. Москва: ГИХЛ, 1941. 620 с.
3. Воронцов Р. И. Имена-символы. *Русская речь*. Москва, 2011. № 4. С. 103–109.
4. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию: учеб. пособие. Ташкент: Изд-во Ташкентского ун-та, 1972. 277 с.
5. Карпенко Ю. А. Пушкинский ономастикон. «Повести Белкина». *Русское языкознание*: респ. межвуз. науч. сб. Киев: Вища школа, 1981. Вып. 2. С. 80–86.
6. Кулыгина А. Г. Поэтика портрета в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Нижний Новгород, 2008. 20 с.
7. Магазаник Э. Б. Ономастика, или «Говорящие имена» в литературе: монография. Ташкент: Фан, 1978. 146 с.
8. Мурадян И. В. Индивидуально-авторские приёмы работы Александра Пушкина над выбором номинаций персонажей прозаических текстов. *Русистика и современность*: коллективная монография. Katowice: Wydawnictwo naukowe «Śląsk», 2017. С. 217–230.
9. Никонов В. А. Имена персонажей. *Поэтика и стилистика русской литературы*: памяти акад. В. В. Виноградова / отв. ред. М. П. Алексеев. Ленинград: Наука, 1971. С. 407–419.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 8, кн. 2. 370 с.
11. Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы. *Вопросы ономастики*: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004. № 1. С. 108–120.

References

1. Altman, M. S. (1964), “About proper names in Pushkin’s works”, *Scientific notes of Gorky State University* [“O sobstvennykh imenakh v proizvedeniyakh Pushkina”, *Uchenyye zapiski Gor’kovskogo gos. un-ta*], Gorky, vol. 72, No. 1, pp. 377–396.
2. Vinogradov, V. V. (1941), *Pushkin’s style [Stil’ Pushkina]*, State Publishing House of Fiction, Moscow, 620 p.
3. Vorontsov, R. I. (2011), “Symbol names”, *Russian speech* [“Imena-simvoly”, *Russkaya rech’*], No. 4, pp. 103–109.
4. Zinin, S. I. (1972), *Introduction to Russian anthroponymy*: textbook [Vvedeniye v russkuyu antroponimiyu: ucheb. posobie], Tashkent University publishing house, Tashkent, 277 p.
5. Karpenko, Yu. A. (1982), “Pushkin onomasticon. «Tales of Belkin»”, *Russian linguistics*: republican interuniversity scientific journal [“Pushkinskiy onomastikon. «Povesti Belkina»”, *Russkoye yazykoznanie*: respublikanskiy mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik], Vishcha Shkola, Kiev, vol. 2, pp. 80–86.
6. Kulygina, A. G. (2008), *Portrait poetics in A. S. Pushkin’s “Tales of Belkin”*: author thesis [Poetika portreta v “Povestiyakh Belkina” A. S. Pushkina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01], Nizhny Novgorod, 2008, 20 p.
7. Magazanik, E. B. (1978), *Onomastics, or “Speaking names” in literature*: monograph [Onomastika, ili «Govoryashchiye imena” v literature: monografiya], Fan, Tashkent, 146 p.
8. Muradyan, I. V. (2017), “Individual-authorial techniques of the work of Alexander Pushkin on the choice of characters nominations in prose texts”, *Russian Studies and Modernity*: a monograph [“Individual’no-avtorskiye priyomy raboty Aleksandra Pushkina nad vyborom nominatsiy personazhey prozaicheskikh tekstov”, *Rusistika i sovremennost’*: monografiya], Scientific Publishing House Śląsk, Katowice, pp. 217–230.
9. Nikonov, V. A. (1971), “Names of characters”, *Poetics and style of Russian literature*: In memory of Acad. V. V. Vinogradov [“Imena personazhey”, *Poetika i stilistika russkoy literatury*: pamyati akad. V. V. Vinogradova], Nauka, Leningrad, pp. 407–419.
10. Pushkin, A. S. (1940), *Complete works*: in 16 vol. [Poln. sobr. soch.: v 16 t.], Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Leningrad, vol. 8, book 2, 370 p.
11. Fomin, A. A. (2004), “Literary Onomastics in Russia: Results and Prospects”. *Questions of onomastics*: Proceedings [“Literaturnaya onomastika v Rossii: itogi i perspektivy”, *Voprosy onomastiki*: sb. nauch. tr.], Ekaterinburg, No. 1, pp. 108–120.

МУРАДЯН Ірина Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна;
тел.: +38(048)7762277; e-mail: muradayn@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-2354-0176

ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНІ ВЛАСНІ НАЗВИ У ПОВІСТІ О. С. ПУШКІНА «ПАННОЧКА-СЕЛЯНКА»

Анотація. Мета статті — дослідити, з якими творами перетинаються інтертекстуальні власні назви та для чого їх використовує О. С. Пушкін у тексті повісті «Панночка-селянка». *Об’єкт* вивчення — інтертекстуальні власні назви. *Предметом* дослідження є виявлення причин використання цих імен О. С. Пушкіним для загального втілення задуму твору. *Матеріалом* послужили інтертекстуальні іменування в чернетках і в остаточному варіанті повісті О. С. Пушкіна «Панночка-селянка». *Результатом* дослідження стало виявлення того, що в чернетках О. С. Пушкіна спочатку головні герої мали по два-три різних іменування. Автор приходив до наступних висновків. У процесі роботи О. С. Пушкін змінював номінації персонажів, аби співвіднести їх з відомими персонажами російської і зарубіжної літератури. Автор зазначає інтертекстуальність імен Ліза, Григорій, клички собаки С б о г а р і інших у пушкінському тексті. За допомогою використання інтертекстуальних імен, спів-

віднесних з іменами героїв Н. М. Карамзіна та романів «шаленого романтизму», О. С. Пушкін пародіює одностороннє та позасоціальне зображення людини в них, надуманість і перебільшеність ситуацій. Утім, слід зазначити, що, даючи своїм персонажам інтертекстуальні імена, О. С. Пушкін залишався у їх виборі на позиціях ономастичного реалізму, не спотворюючи історичної правдоподібності.

Ключові слова: інтертекстуальні власні імена, літературні антропоніми, антропонімна формула, художній текст.

Iryna V. MURADIAN,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskiy blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38(048)7762277; e-mail: muradayn@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-2354-0176

INTERTEXTUAL OWN NAMES IN A. S. PUSHKIN'S STORY "THE YOUNG LADY-PEASANT"

Summary. The *purpose* of this article is to investigate the ways and objectives of using intertextual names by A. S. Pushkin in the text of his novel "The Young Lady-Peasant". The names of the printed text are compared with the names that A. S. Pushkin originally used in the draft. This made it possible to investigate the causes of names changes. The *object* of study is intertextual proper names. The *subject* is the identification of reasons for the use of these names by A. S. Pushkin for the general embodiment of the work design. The *material* was the intertextual naming in the drafts and in final version of story "The Young Lady-Peasant." In the course of this study, it was revealed that in the drafts of A. S. Pushkin, the main characters initially had two or three different names. As a *result* of the study, the author of the article comes to following *conclusions*. In the process, A. S. Pushkin changed the nominations of the characters in order to correlate them with the famous characters of Russian and foreign literature. The author notes the intertextuality of names Lisa, Gregory, nickname of the dog S bogar and others in Pushkin's text. Through the use of intertextual names comparable to the names of N. M. Karamzin's heroes and the novels of "fierce romanticism", A. S. Pushkin parodies one-sided and extra-social image of a person in them, far-fetched and hyperbolic nature of situations. It should be noted that the writer remains in the position of onomastic realism and does not distort historical plausibility, when he chooses intertextual names for his characters.

Key words: intertextual proper names, literary anthroponyms, anthroponymic formula, artistic text.

Статтю отримано 17.01.2019 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2019.31.178520>

УДК [811.161.2+811.512.161+811.111]'25'373.74-115

ЧАЄНKOBA Оксана Костянтинівна,

старший викладач кафедри українознавства Одеської державної академії будівництва та архітектури; вул. Дідріхсона, 4, м. Одеса, 65029, Україна; тел.: +38 063 9872565; e-mail: oksbird85@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7639-0979

ЛІНГВОКУЛЬТУРНА СПЕЦИФІКА ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ПРОЦЕСІ ПЕРЕКЛАДУ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКОЇ, ТУРЕЦЬКОЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВ)

Анотація. Метою цієї статті є опис методики виявлення типів фразеологізмів за культурами перекладу, наявними в задіяних мовах, і класифікація цих фразеологізмів. *Об'єктом* вивчення служать фразеологізми українського, турецького та англійського мов з різними сценаріями походження і функціонування. *Матеріал* отримано шляхом суцільної вибірки з декількох фразеологічних і тлумачних словників. *Предмет* дослідження — лінгвокультурна типізація і класифікація фразеологічних одиниць за особливостями утворення, трактування та перекладу. *Результатом* проведення зіставного аналізу турецьких, англійських та українських відповідників кількох груп фразеологічних одиниць стала їх класифікація за типами. Фразеологізми розглянуто також у лінгвопрагматичному аспекті як соціально, культурно, національно маркований феномен мовної природи. *Висновки:* вибір перекладу фразеологічних одиниць на іншу мову враховує своєрідність їхнього лексичного складу, структури і семантики. Виокремлено три типи фразеологізмів за культурами перекладу: 1) з точним перекладом фразеологізмів і повним збереженням їхньої структури; 2) з частковою зміною значення або форми фразеологічних одиниць оригіналу; 3) з повною заміною ключових слів за умови можливої заміни структури шляхом підбору оригіналам семантичних еквівалентів у мові перекладу.

Ключові слова: фразеологічна одиниця; ідіома; переклад; лінгвокультурний; українська, англійська, турецька мови; зіставлення.

Постановка проблеми. Проблеми фразеологічного значення неодноразово порушувалась у працях іноземних і вітчизняних мовознавців протягом ХХ–ХХІ століть. У сучасному мовознав-